

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 14(47)(091)

ББК 87.3(2)522-685

Борис Вадимович Межуев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории русской философии, Россия, Москва, e-mail: borismezhuev@yandex.ru

К текстологии «Воскресных писем». Из неизданного и несобранного наследия Вл. Соловьева

Аннотация. Предлагается опыт текстологического исследования одного из наименее изученных произведений Вл. Соловьева – цикла его статей в газете «Русь», выходивших в 1897–1898 годах под названием «Воскресные письма». Следует обратить внимание на то, что двенадцать из двадцати двух известных «Воскресных писем» были опубликованы самим автором в виде приложения к отдельному изданию «Трех разговоров». Отмечается, что в некоторых из выбранных для отдельной публикации писем Вл. Соловьев полемизирует со взглядами одного из постоянных авторов «Руси», публицистом М.О. Меньшиковым, который категорически не принимал соловьевскую критику религиозно-нравственных воззрений Л.Н. Толстого и прямо спорил со взглядом философа на войну. Приводятся тексты трех до сих пор неизвестных «Воскресных писем»: одно из них под названием «Государственная церковь» не было опубликовано в газете в 1897 году и сохранилось в архиве Вл. Соловьева; другое также не было напечатано в газете по цензурным причинам, но после смерти автора было опубликовано в одном из отечественных журналов; наконец, третье из публикуемых писем появилось в газете «Русь» спустя некоторое время после прекращения публикации цикла. Отмечается, что целью этой не замеченной составителями Собрания сочинений публикаций является указание внимательному читателю на цензурные причины приостановки цикла.

Ключевые слова: публицистика, Вл. Соловьев и Л.Н. Толстой, ультраморализм М.О. Меньшикова, христианское государство, непротивление злу силой, политическая философия, веротерпимость

Boris Vadimovich Mezhuev

Lomonosov Moscow State University, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of History of Russian Philosophy of the Faculty of Philosophy, Russia, Moscow, e-mail: borismezhuev@yandex.ru

To the Textual Analysis of the “Sunday Letters”. From the Unpublished and Uncollected Heritage of Vladimir Solovyov

Abstract. This article attempts a textual study of one of Vladimir Solovyov's least explored works, a series of articles titled "Sunday Letters", published in the newspaper "Rus" in 1897–1898. The article highlights the fact that twelve of the twenty-two known Sunday Letters were republished by the author himself as an appendix to the separate edition of "Three Conversations". It is noted that in some of the letters selected for separate publication, Vl. Solovyov polemizes with the views of one of the regular contributors to Rus, the publicist M.O. Menshikov, who categorically rejected Vl. Solovyov's criticism of Leo Tolstoy's religious and moral views and directly argued with the philosopher's perspective on war. The article also includes the texts of three previously unknown Sunday letters: one of them, titled "The State Church", was not published in the newspaper in 1897 and was preserved in Vladimir Solovyov's archive. Another letter was also not published in the newspaper due to censorship reasons, but it was later printed in a Russian magazine after the author's death. Finally, the third letter published in this article appeared in the newspaper "Rus" in a period of time after the series ended. The author argues that Solovyov's purpose in this latter publication overlooked by the editors of his Collected Works was to signal to attentive readers the censorship reasons behind the series' suspension.

Key words: journalism, Vladimir Solovyov and Leo Tolstoy, M.O. Menshikov's ultra-moralism, Christian state, non-resistance to evil by force, political philosophy, religious tolerance

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.006-028

«Три разговора» – последнее крупное произведение Владимира Соловьева, которое вышло отдельным изданием весной 1900 года. Полное название этого произведения звучит так: «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями»¹. Выполняя последнюю авторскую волю, всем издателям следовало бы публиковать впредь это произведение так, как оно вышло в последний год жизни философа: с тем же названием и в том же составе. Однако на приложения обычно никто не обращает внимания: в обоих Собраниях сочинений философа – и того, что издавалось петербургским товариществом «Общественная польза» в 1901–1907 годах, и того, что впоследствии было выпущено также петербургским товариществом «Просвещение» в 1911–1914 годах, «Три разговора» называются просто «Тремя разговорами» – без добавлений в название, а приложения как таковые просто отсутствуют.

Между тем о значении приложений для смысла всей работы сам автор очень определенно говорит в предисловии к своему сочинению: «К трем разговорам я прибавил ряд небольших статей, напечатанных в 1897 и 1898 г. (в газете «Русь»). Некоторые из этих статей принадлежат к наиболее удачному, что когда-либо мною написано. По содержанию же своему они дополняют и поясняют главные мысли трех разговоров» [2, с. 91]².

¹ Полные выходные данные: Соловьев Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями. СПб.: Типография СПб. т-ва «Труд», 1900. 279 с. [1].

² Соловьев В.С. Предисловие к «Трем разговорам» // Собр. соч.: в 12 т. Т. Х. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 83–92 [2].

Корпус «Воскресных писем», действительно, приводится составителями обоих собраний сочинений в том же томе, что и «Три разговора» – казалось бы, воля автора по существу была выполнена. Однако многие исследователи³ и публикаторы «Трех разговоров» обходят вниманием то обстоятельство, что в приложении к отдельному выпуску данного произведения вошли не все опубликованные в собрании двадцать два «Воскресных письма», а только двенадцать. Десять писем отсутствуют.

Письма расположены в приложении к первому книжному изданию «Трех разговоров» отнюдь не в хронологическом порядке. Первым стоит комплекс из трех писем, выходивших в газете «Русь» с 5(17) по 19(31) июля 1898 года под единым названием «Немезида»⁴. Статья, как следует из подзаголовка, была написана «по поводу Испано-Американской войны» и в значительной степени посвящена очень важной для Вл. Соловьева в это время теме «оправдания войны» как «нравственной обязанности» для государства и как «подвига само-пожертвования» для воинов⁵, а также безусловной для Вл. Соловьева связи внешних успехов государства и исполнения им «воли Божией», понимаемой как отказ от насильтственного принуждения к исповеданию правильной веры. Фактически философ развивает тему, которую он поднял в 1895 году в статье «Смысл войны», опубликованной на страницах Литературных приложений к журналу «Нива» и затем составившей XV главу первой редакции «Оправдания добра».

Второй текст, вошедший в приложения, – это размещенное 29 июля (7 августа) в «Руси» письмо «Россия через сто лет», которое представляет собой критику демографического и в целом исторического оптимизма в отношении судеб России, для самого автора совершенно не оправданного⁶. Вл. Соловьев предлагает задуматься о причинах неожиданного торможения роста численности населения России и именно в этих целях «обратиться к патриотизму размышающему и тревожному». По мнению мыслителя, «безответный и беззаботно-частливый оптимизм патриотов ликующих, помимо его умственной и нравственной скучости, теряет под собою

³ Отметим точку зрения Н.В. Котрелева, часто высказываемую им в его выступлениях, согласно которой «Три разговора» невозможно, не нарушая авторскую волю, перепечатывать без соответствующих приложений. Следует также указать на статью А.Н. Степанова, где высказывается мысль о невозможности адекватного восприятия «Трех разговоров» без учета «приложений» (см.: Степанов А.Н. «Три разговора» Вл. Соловьева: вопросы публикации, жанрового своеобразия и композиционной целостности. Сер. Symposiūm. Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьева. Вып. 32 // Материалы Междунар. конф. 14–15 февраля 2003 г. СПб.: Санкт-Петербург. филос. общество, 2003. С. 378–383 [3]).

⁴ См.: Соловьев В.С. Немезида // Русь. 1898. № 8. С. 2; № 15. С. 2; № 22. С. 2 [4].

⁵ См.: Соловьев Вл. Воскресные письма // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. Х. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 61 [5].

⁶ См.: Соловьев В.С. Россия через сто лет // Русь. 1898. № 29. С. 2 [6].

всякую фактическую почву на наших глазах»⁷. Третьим следует письмо «О соблазнах»⁸, опубликованное значительно раньше – 9(21) марта 1897 года: речь в нем идет о соблазне довольствования полуистинами, не требующими умственного труда, которому противопоставляются «сердечная вера и чувство» как нечто самодостаточное. Четвертым в приложении оказывается целиком посвященное критике ницшеанства письмо «Словесность или истина?». Оно было опубликовано в «Руси» 30 марта (10 апреля) 1897 года (в газетной редакции выражение «один из самых опасных соблазнов» в первом предложении этого текста сопровождалось ссылкой к письму «О соблазнах»)⁹. Завершаются приложения семью «Пасхальными письмами». Вл. Соловьев, размещенными в воскресных номерах «Руси» в течение семи недель после Светлого Воскресения, которое в 1897 году пришлось на 13(25) апреля.

Из тех писем, что не вошли в приложение к «Трем разговорам», лишь одно относится к 1898 году – это последнее из приведенных в Собрании сочинений письмо, идущее под номером XXII, – «Духовное состояние русского народа», представляющее собой рассказ о secte Елены Петровой, информацию о которой Вл. Соловьев перенял из всеподданнейшего отчета обер-прокурора св. Синода за 1894 и 1895 г. (СПб.: синод. типогр., 1898 г.)¹⁰. Оно было опубликовано в «Руси» 2(14) августа 1898 года. Финал этого явно не оконченного текста содержит намек на его продолжение: «В двух местах отчета за 1894 и 1895 гг. описано семь новых sect. В том же отчете мы находим интересные сведения еще об одном весьма важном явлении из религиозной жизни русского народа за последнее время. Об этом – до следующего письма». Составитель первого Собрания сочинений Г.А. Рачинский оставил к этому финалу свое примечание за подписью Г.Р.: «Продолжения напечатано не было. Все “Воскресные письма” появились в 1897 и 1898 годах в газете “Русь”, издававшейся В.П. Гайдебуровым. Двадцать второе письмо было последним» [5, с. 80]. Однако это утверждение не соответствует действительности – двадцать второе письмо было совсем не последним и даже не последним, размещенным в газете «Русь». Но об этом чуть ниже.

Что могло послужить мотивом публикации в приложении к «Трем разговорам» именно тех писем, что были отобраны автором? Нам представляется, что выбор многих из них был обусловлен внутренней полемикой Вл. Соловьева с некоторыми представителями гайдебуровского круга, в частности М.О. Меньшиковым и, вероятно, Н.А. Энгельгардтом, не разделявшими критического отношения философа к нравственному учению Л.Н. Толстого. Первое из вошедших в издание

⁷ См.: Соловьев В.С. Россия через сто лет. С. 2.

⁸ См.: Соловьев Вл. О соблазнах // Русь. 1897. № 50. С. 2 [7].

⁹ Этот текст был практически без изменений перепечатан в отдельном издании «Трех разговоров», за исключением снятой ссылки в первом предложении (см.: Соловьев Вл. Словесность или истина? // Русь. 1897, 30 марта (11 апреля). № 70. С. 2 [8]).

¹⁰ Соловьев В.С. Духовное состояние русского народа // Русь. 1898. № 53. С. 3 [9].

«Трех разговоров» писем – «Немезида» – прямо перекликалось по своей проблематике с темой первого разговора, а именно с вопросом о войне. Именно это письмо и содержащаяся в нем попытка теоретического оправдания войны вызвали весьма жесткую реакцию на страницах самой «Руси» человека, который фактически являлся главным публицистом этого издания, – Михаила Осиповича Меньшикова. 19(31) августа 1898 года в цикле «Письма к друзьям» Меньшиков, не называя имени Вл. Соловьева, прямо выступил против апологии войны в статье его коллеги по газете.

В 1890-е годы Меньшиков был известен как сторонник учения Льва Толстого о непротивлении злу силой и, можно сказать, активнейший пацифист в среде русских либеральных народников, одним из печатных органов которых были гайдебуровские издания «Неделя» и «Русь». Сам М.О. Меньшиков впоследствии уточнял, что не принимал целиком все толстовские взгляды, в частности, он не одобрял проповеди оправдания. Однако воззрения Л.Н. Толстого на войну не встречали у тогдашнего Меньшикова никакой критики. «С внешней стороны – я не веду образа жизни “толстовцев” (может быть, по слабости воли), никогда не “садился” на землю, хоть и вырос в деревне и люблю ее. Никогда не участвовал в так называемых “толстовских” колониях и совершенно не сочувствую им, среди “толстовцев” имею лишь трехчетырех друзей, к которым привязывает меня не столько их миросозерцание, сколько чистая и честная их жизнь. С внутренней стороны я не во всем и не всегда бываю согласен не только с последователями великого писателя, но и с ним самим. <...> Я глубоко и неизменно уважаю нравственное стремление Л.Н. Толстого, его тревожную, пророческую совесть, его убеждение в необходимости каждому прежде всего работать над собой. Но я не беру у него ничего чужого, беру свое: если некоторые идеалы у нас общие, то ячуствую, что с ними родился и они столько же мои» [10, ст. 605].

Нельзя сказать, чтобы этот подчеркнуто пацифистский пафос разделялся другими сотрудниками этих органов печати, однако тем, кому толстовский морализм в исполнении Меньшикова был не симпатичен, приходилось мириться с меньшиковским толстовством, поскольку автор «Писем к друзьям» оставался самым популярным публицистом гайдебуровского круга. В своей вышедшей без указания времени и места брошюре «Мой жизненный путь» сотрудник «Недели», революционный народник и впоследствии марксист Владимир Поссе говорил, что в редакции этого издания «... Меньшикова все не любили... Но с Меньшиковым приходилось считаться, так как статьи его нравились большинству подписчиков “Недели”». При этом Поссе весьма иронически отзывался о тогдашних толстовских убеждениях Меньшикова: «Даже в бегстве зайца от предсуществующего его волка он видел противление: Зайцу не следовало бежать, а лечь перед волком и, помахивая лапками, делать ему умильную рожицу: тогда волк бы его пощадил» [11, с. 144]¹¹.

¹¹ С критикой ультраморализма Меньшикова выступали и многие либеральные публицисты, в частности В.А. Гольцов: «В своей Высшей цели г. Меньшиков предлагал бороться словами даже с

Разумеется, идейное столкновение убежденного пацифиста с недавним автором «Смысла войны» было предопределено. И это столкновение, истоки которого ведут к 1895 году, продолжилось в 1898 г. В очередном из своих фельетонов цикла «Письма к друзьям» Меньшиков описывал свое пребывание в глубинке на Украине, где он мог лично наблюдать тяжелые последствия недавнего голода. Ужасали публициста не только лица недоедающих детей, но и вести из столицы: «Но когда в kraю, где все дышит таким “обильем”, я слышу речи философов и публицистов о том, что война вообще нужна, что она – реальная школа любви к врагам, что она – не несчастье, не ошибка, а нечто освещенное, – когда я слышу эти речи, то мне становится больно взглянуть в глаза такому слабенькому, шатающемуся от недоедания малышке, хотя бы он не знал, что существуют на свете философия, Испания и Америка. Десять лет таких философских внушений – и нам, чего доброго, захочется воевать. <...> Заканчивая свою плохо кормленную жизнь, этот парень с распоротым животом будет утешаться, что дело еще не так плохо, что он не умирает, а проходит курс реальной школы любви к врагам...» [13, с. 3]. Не вызывает сомнения, что в данном случае Меньшиков ссылался на соловьевские пассажи из «Немезиды»: «Злой зверь в человеке враждует со всеми и в мирное время, а для настоящего человека и война, раз она вызвана необходимостью, открывает поприще истинно-нравственного отношения не только к своим, но и к неприятелю, – побуждает не только полагать душу за други своя, но и любить врагов. Ведь заповедь эта обращена не к отдельным только лицам, а и к целым народам; а для народа враг – это другой народ, с которым он воюет. Этого именно врага и нужно любить. Значит, война, помимо всего прочего, есть для народов реальная школа любви к врагам». И далее в той же статье Вл. Соловьев рассуждал о том, что настоящие враги чувствуют уважение друг к другу, а это чувство не далеко от любви, причем автор «Воскресных писем» приводит в пример известные строфы Пушкина из поэмы «Полтава» о Петре Великом, поднимающим заздравный кубок за своих «учителей» – шведов [5, с. 67].

Известно, что Вл. Соловьев не любил, когда он подвергался критике на страницах того издания, регулярным сотрудником которого являлся. Это в свое время оттолкнуло его от «Северного Вестника», главный критик которого А.Л. Волынский не стеснялся ругать печатавшихся в том же журнале литераторов. В 1896 году, в период временного обострения отношений с коллективом сотрудников журнала «Вопросы философии и психологии», вызванного публикацией одной жесткой критической рецензии Ю.И. Айхенвальда, Вл. Соловьев

заклятым врагом. Что делать, если враг не захочет вас слушать? <...> Это немножко смешно и весьма трогательно, но с нравственно-общественной точки зрения никуда не годится. <...> Если, как говорит г. Меньшиков, величайшее общественное зло всегда состояло в насилии человека над человеком, то не лежат ли на нас нравственные обязанности противиться насилию не одними только словами и рыданиями? Допуская совершившись насилию, мы создаем в мире новое зло, которого не было бы, если бы мы парализовали его при возникновении» [12, с. 159].

писал Николаю Гроту: «... укажите мне (за исключением «Северного Вестника», известного своими аномалиями) другой какой-нибудь журнал – русский или европейский, который печатал на своих страницах насмешливые редакционные отзывы об изданиях своих собственных постоянных сотрудников» [14, с. 101]. Разумеется, Вл. Соловьев был крайне задет резким выпадом Меньшикова. Однако вместе с тем он вынужден был признать, что ранее, как раз в упоминавшейся уже статье «Россия через сто лет», он и сам привел в полемическом ключе (хотя и без ненужной резкости) имя самого Меньшикова, отзовавшись на его вышедшую в 1898 году работу «Думы о счастье»¹². В этом сочинении, следуя опять же толстовскому народничеству, Меньшиков доказывал, что по-настоящему счастливым может быть только простой человек, живущий на природе, в деревне и занятый физическим трудом. В том варианте текста, который был помещен в приложении к отдельному изданию «Трех разговоров», а затем появился в корпусе «Воскресных писем» Собрания сочинений, прямая ссылка на Меньшикова отсутствует. Данный пассаж, согласно последней авторской воле, звучит так: «Некоторые утверждают, что всех счастливее так называемый “народ” или “мужик”. И правда, что мужик обладает некоторыми важными условиями истинного счастья; но две особенности мужичьего состояния портят все дело и мешают самым лучшим возможностям перейти хотя бы в посредственную действительность. Во-первых, мужик подвержен стихийным бедствиям, от которых ограждены прочие классы населения (за исключением только гаванских чиновников), а во-вторых, он, будучи, по собственному сознанию, глуп, чрезмерно огорчается своими невзгодами и впадает в уныние вместо того, чтобы – по альтруистическому указанию знаменитого дьяка у Толстого (Алексея) – находить свое удовлетворение в благосостоянии других» [5, с. 71]. Между тем в первой (газетной) редакции Вл. Соловьев дал понять, что одним из этих не поименованных «некоторых», как бы завидующих мужицкому «счастью» людей был его коллега по работе в «Руси»: «Некоторые утверждают, что мужик обладает некоторыми важными условиями истинного счастья (о чем много хорошо сказано в книге М.О. Меньшикова) ...». Далее следует та же серия иронических контрапунктов, которая сохранилась в окончательной редакции.

Нельзя исключать, что конфликт между Меньшиковым и Вл. Соловьевым вылился в более серьезную ссору, которая могла бы привести к выходу философа из состава постоянных сотрудников издания. Косвенный намек на подобный конфликт можно найти в поминальном очерке Меньшикова о Вл. Соловьеве, который появился в «Неделе» (единственной сохранившейся газете В.П. Гайдебурова после закрытия «Руси» цензурой в декабре 1898 года) в № 33 за 13 августа 1900 года (впоследствии, в 1906 году, автор переиздал свой отклик во втором томе своих «Критических очерков»): «Последнею враждою этого очень доброго человека был Л.Н. Толстой, враждою тем более острой, что

¹² Меньшиков М.О. Думы о счастье. СПб.: тип. М. Меркушева, 1898. 176 с. [15].

она была односторонняя. В этой вражде, как мне кажется, Вл. Соловьев отдал свою дань слабости человеческой¹³ – и я не стану говорить о ней. Скажу только, что и в этой вражде он дал случай подивиться его характеру, его уступчивости и доброте. После одного бурного объяснения, когда ожидался полный разрыв его с одним из друзей, последовали объятия и поцелуй, и примирение стало возможным. С Влад. Соловьевым самые жгучие враги его вновь сходились, когда хотели, и он снова делал для них все, что мог, и если снова становились его врагами – он прощал и это» [17, с. 496]. Думаю, что речь могла идти как раз о Василии Павловиче Гайдебурове, издателе «Руси» и «Недели», и о возможном конфликте с ним Вл. Соловьева, возникшем именно по причине жестких нападок М.О. Меньшикова.

В упомянутом мемуарном очерке М.О. Меньшикова есть и другой любопытный момент. Меньшиков описывает один вечер в Царском Селе, где он проживал в выходные дни, когда Вл. Соловьев зашел к нему, чтобы пойти вместе погулять. «Все располагало к миру, – пишет публицист, – но вдруг разговор коснулся острой темы – об абсолютном зле. Неосторожно я вступил в спор, пробовал объяснить, что если зло абсолютно, как добро, что если так называемый дьявол столь же могущественен, как и Благая сила, то выходит двубожие и бессмыслица. Владимир Сергеевич не уступал ни йоты, и я почувствовал, что ему больно. Я смолк, он заметил это и поблагодарил замечанием, что спор наш – в этот чудесный вечер над озером напомнил “ему его молодость и заставил помолодеть”» [17, с. 493]. Разговор этот не может не вызвать в памяти известные строки, которыми открывается предисловие к «Трем разговорам»: «Есть ли зло только естественный недостаток, несовершенство, само собой исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная сила, посредством соблазнов владеющая нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь точку опоры в ином порядке бытия?» [2, с. 83]. Слово «соблазны», употребленное в этой фразе, рифмуется с третьим из приведенных в приложении к «Трем разговорам» Воскресных писем – «О соблазнах», в котором, как нам представляется, также содержится косвенная полемика с толстовскими взглядами М.О. Меньшикова.

Итак, в трех из четырех первых текстов приложений – статьях «Немезида», «Россия через сто лет» и «О соблазнах» – можно разглядеть следы полемики, которая велась внутри редакций гайдебуровских изданий и время от времени выплескивалась на их страницах. Сторонами этой полемики были Вл. Соловьев

¹³ Л.Е. Оболенский в некрологе Вл. Соловьеву со ссылкой именно на Меньшикова объяснял враждебность философа Л.Н. Толстому чисто психологическими мотивами: «Соловьеву было свойственно болезненное честолюбие. Этим объясняется многими его жесточайшая вражда к Л.Н. Толстому. Так между прочим думает и Меньшиков, находившийся долго в весьма близком общении с Соловьевым и разошедшийся с ним весьма грубо обличением этой стороны отношения нашего философа к великому романисту. Меньшиков полагает, что тут было нечто вроде конкуренции одной крупной духовной силы к другой, еще более могучей и действительно гениальной...» [16, с. 22].

и М.О. Меньшиков, а некоторой общепримиряющей точкой равновесия – сам В.П. Гайдебуров. После публикации в журнале «Книжки “Недели”» последнего, третьего разговора из цикла «Под пальмами» Меньшиков решился открыто выразить свой протест против более чем острой соловьевской критики возврений Л.Н. Толстого. Вначале он это сделал внутри редакции, попытавшись воспротивиться выходу в свет третьего диалога. Об этом инциденте Меньшиков писал в своем письме автору «Воскресения» 22 января 1900 года: «В “Книжках Недели” печатаются статьи Вл. Соловьева, направленные против вас. Третья, набранная на днях, статья написана с таким глумлением и с таким извращением Ваших взглядов, что я должен был отказаться от работы в “Неделе”. На чтение этой статьи в корректуре я был приглашен, и тут высказал я Соловьеву и Гайдебурову много неприятного» [18, с. 437]¹⁴. 6 февраля этот конфликт отразился в непривычном обмене мнениями в газете по поводу соловьевского текста между основным критиком «Недели» и ее издателем. Меньшиков завершил свои очередные отклики недвусмысленным отречением от неприятной для него публикации: «Мне приходится – в связи с нападками на гр. Л.Н. Толстого – выразить кстати свою безусловную несолидарность с напечатанною в последней “Книжке Недели” сатирою на нравственное учение этого великого писателя. Я разумею диалоги Вл. Соловьева – “Под пальмами”, и особенно последний, третий. Я вообще не сторонник взглядов Владимира Сергеевича, но ценю многие стороны его личности и таланта. <...> Что бы Вл.С. ни писал, он неизменно полемизирует с ненавистными ему взглядами Л.Н., который никогда с ним печатно не спорил. Если бы Вл.С. Соловьев был только противником “учения Толстого”, это было бы вполне естественно, – пришлось бы признать, что это просто две слишком различные силы, две отрицательные друг к другу натуры. Огонь и вода, тепло и холод имеют одинаковые права нас существование. Если бы Вл.С. предпринял серьезное критическое исследование идей гр. Л.Н., то это было бы вполне понятно; можно бы соглашаться с ним или нет, но не приходилось бы испытывать чувство неловкости, как при разговоре, принимающем недолжный тон. Вл.С. в последнем диалоге выдвигает богословский догмат о телесном воскресении Христа, догмат, составляющий центральный пункт его миросозерцания. Казалось бы, уже из уважения к столь важному предмету ему следовало бы отстаивать его не иначе, как с серьезным спокойствием. К сожалению, Вл.С. в своей полемике почему-то предпочел полусеръезный жанр, очень смахивающий на карикатуру. Диалоги г. Соловьева, конечно, несравненно выше романа “Понедельник” графа Худого¹⁵, но манера вывести “князя”, – хотя и без имени, но говорящего языком Толстого, его формулами и даже прямо цитатами из его сочинений, манера выставить своего противника ограниченным

¹⁴ Письмо приведено в комментариях к Полному собранию сочинений Л.Н. Толстого без ссылки на архивный источник: Толстой Л.Н. Письмо к И.М. Трегубову 3 августа 1900 г. <прим. сост.> // Толстой Л.Н. ПСС. Т. 72. Письма. 1899–1900 гг. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1933 [18, с. 437].

¹⁵ Пародия Д.А. Богемского на роман Л.Н. Толстого «Воскресение».

человеком, навязать ему “похожие”, но не всегда подлинные взгляды и глумиться над ними, причем все это проделывается от имени какого-то “генерала”, “политика”, “дамы”, прикрывающих автора, – это манера, как хотите, не из лучших. Единственный наш великий писатель заслуживал бы иного к себе отношения – даже своих врагов» [19, ст. 218].

На это заявление последовал комментарий от редакции, в котором содержался прямой ответ Вл. Соловьева на критику М.О. Меньшикова, а также примирительное заключение В.П. Гайдебурова: «Вл.С. Соловьев просит нас заявить, что все собеседники в трех его разговорах суть лица вымышленные, лицу князя – молодого человека, живущего заграницей, не придано автором ни одной черты личного сходства с графом Л.Н. Толстым, последователь гр. Толстого, каким представлен князь, по необходимости должен высказывать мысли, “похожие” на мысли этого писателя и говорит иногда его словами (в данном случае они взяты из его сочинения, напечатанного в России), литературная форма диалога по существу своему требует, чтобы говорили именно выведенные в нем лица, разбор некоторых принципиальных взглядов, принадлежащих, между прочим, и гр. Л.Н. Толстому, автор признает своею прямою обязанностью, исполненной им в той форме, которая казалась ему наиболее целесообразною. С своей стороны, заметим, что в диалогах “Под пальмами” мы меньше всего склонны видеть какую-либо “сатиру”, а тем менее – “глумление”, хотя прирожденный юмор нашего знаменитого философа и играет в них некоторую роль, – и что на наш взгляд, под легкою формой разговора в них скрывается весьма значительное, глубокое содержание. Не находим мы в них и ничего направленного лично против нам всем дорогого графа Л.Н. Толстого, – но лишь против некоторых распространяемых и разделяемых им воззрений. А такой *choc des opinions* неизбежен для всех самостоятельных умов» [19, ст. 218–219].

Вероятно, конфликт двух ведущих публицистов гайдебуровского круга и в этот раз удалось замять¹⁶, однако выход в свет отдельной книги «Трех разговоров» со специально отобранными Воскресными письмами – при снятой фамилии М.О. Меньшикова в одном из них – позволяет сделать вывод, что философ решил продолжить в окончательном выпуске «Трех разговоров» свой спор с толстовским народничеством и, в том числе, с одним из наиболее заметных последователей этого течения в русской печати. При этом философ не хотел прямо обозначать объекта своей полемики, называть имя ближайшего сотрудника близкой самому Вл. Соловьеву издательской группы, при этом еще и терпящей

¹⁶Известен отклик А.П. Чехова на заявление М.О. Меньшикова, содержащийся в письме к последнему из Ялты от 20 февраля 1900 г.: «Что касается Вл<адимира> Соловьева, то мне не хочется согласиться с Вами. Правда, Лев Толстой – большой человек, но что же делать, если Вл<адимира> Соловьев верует в телесное воскресение, в европ<ейскую> культуру? Тон “Трех пальм” может не нравиться, но ведь “это дело вкуса” – могут сказать» (цит. по: Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков. М.: Русский путь, 2005 [20, с. 140–141]).

бедствия по цензурным и финансовым причинам («Неделя» закрылась из-за цензурных проблем в следующем – 1901 – году, уже после смерти Вл. Соловьева). Меньшиковский и в целом гайдебуровский пласт «Трех разговоров» требует дальнейшей детализации и уточнения, однако уже сейчас ясно, что при внимательном исследовании третьего периода творчества русского философа обойти его невозможно.

Неопубликованные и несобранные письма

В архивном фонде Вл. Соловьева в ОР РНБ сохранилось неопубликованное, очевидно, по цензурным причинам письмо под названием «Государственная церковь». В рукописи оно стоит под знаком III и содержит ссылку на предшествующее письмо о признаках «пробуждения совести» в русском обществе. Письмо, вероятно, должно было появиться газете «Русь» в воскресенье 2 февраля 1897 года, однако было снято с публикации, что вызвало временный перерыв в выходе писем (следующее, обозначенное в газете знаком III, вышло в свет только 16 февраля).

В публикуемом здесь впервые тексте Вл. Соловьев очень осторожно, практически избегая критики государственно-церковного устройства в России, тем не менее указывал на отличие «христианской государственности» в правильном смысле этого слова от того, что существовало в Средние века и на заре Нового времени. Вл. Соловьев завершал это письмо указанием на высокую миссию России – воплотить мечту о «правильной» христианской империи. Он отмечал, что «кроме этих извращенных, ложных видов, которые мы указали, есть у государственной церкви и у христианского государства иной, истинный смысл. Понять, принять и осуществить его казалось будто издавна высшим предназначением России. К несчастию, доныне этот правый смысл загражден в нашем общественном сознании различными историческими осложнениями, запутан невольными заблуждениями, намеренными софизмами. Попробуем в следующем письме освободить и распутать его»¹⁷. Однако, поскольку этот текст был отклонен (по всей вероятности, редактором газеты В.С. Драгомирецким, опасавшимся цензурных кар), в последующих письмах философ вынужден был «распутывать» уже другие темы: печать молчания, наложенная цензурой, стала причиной того, что весной 1897 года Вл. Соловьев фактически отказался от публичного спора с ген. А.А. Киреевым, упрекавшим философа за проповедь унии с католицизмом.

Приведем это письмо полностью¹⁸:

¹⁷ См.: Соловьев Вл.С. Воскресные письма. III. Государственная церковь // ОР РНБ. Ф. 718. № 5. Л. 4–5.

¹⁸ Там же. 5 лл.

Государственная церковь

Роковые тучи, надвигающиеся на нас с юга и с востока, требуют от России, воплощенной в своем государстве, прежде всего нравственной свободы и бодрости духа, которые даются спокойной совестью. Я указывал на некоторые добрые признаки пробуждающейся совести в нашем обществе. Но есть ли у нас ясное и отчетливое сознание о том, чего по совести должно неизменно держаться во всех существенных отношениях собирательной жизни?

Для России как христианской империи первостепенную важность имеет вопрос об отношении церкви и государства. Провидение, действующее через историю, теснейшим образом связало у нас эти два учреждения, так что государство получило некоторый священный характер, а церковь стала государственною.

Эта тесная, органическая связь есть не вопрос, а факт, без внимания к которому нельзя ничего уяснить себе в нашей истории и ничего предвидеть в нашей будущности.

Сама государственная церковь не вопрос, а факт; вопрос только в том, как должно понимать этот факт, в каком смысле должно его охранять и содействовать его упрочению и развитию.

Вообще под государственою церковью разумеются весьма различные вещи. Во-первых, так называется церковь, созданная государственою властью; такова в полной мере английская established Church (установленная церковь), которая не только в своем практическом устройстве, но и в своих отличительных догматах (39 артикулов) есть произведение королевской воли Генриха VIII, Эдуарда VI и Елизаветы. К тому же типу принадлежат и многие другие протестантские церкви, основанные с помощью местных государей, которым и предоставлено решающее значение в религиозных вопросах согласно принципу *cujus regio, ejus religio* (чья страна, того и религия).

Русская церковь *не есть* государственная церковь в этом смысле. Не только она не создана государством, но скорее можно сказать напротив, что государство создано ею. Разве в XIV веке Великие князья московские могли бы с таким успехом выступить в роли собирателей русской земли, если бы не то религиозно-нравственное значение, которое сообщили им святители Петр и Алексий и смиренный игумен Сергий. Они настоящие основатели московского государства, а восстановителем его после погромов смутного времени должен быть признан опять-таки носитель духовного авторитета, царский отец, патриарх Филарет.

В другом смысле государственной церковью называлась такая, к которой независимо от вопроса о ее происхождении и управлении, обязаны принадлежать все подданные данного государства. Такое значение для всех стран западной Европы имела в Средние века церковь римско-католическая. Отказываться от принадлежности к ней для христиан было не только величайшим грехом против Бога, но и величайшим преступлением против государства, подлежавшим по крайней мере смертной казни. Еретики истреблялись безусловно, существование евреев в католических странах, хоть допускалось фактически, но лишь как прискорбная аномалия, что и на практике выражалось в узаконенных притеснениях, в беспрестанных преследованиях и нередких избиениях. С полною последовательностью идея государственного католичества была проведена Испанией, упразднившей и фактически

(истреблением мавров, евреев и протестантов) все некатолическое в пределах королевства. Тою же идеей была внушена во Франции отмена Нантского эдикта и изгнание гугенотов. В настоящее время римско-католическая церковь *нигде* не имеет значения государственной.

Что касается до русской церкви, то она никогда не была государственною в этом исключительном смысле: с самого начала иноверцы свободно входили в семью народов России, а в настоящее время они составляют почти треть всего населения империи.

Два указанных значения, которые государственная церковь получила в католическом и протестантском мире имеют то общее между собою, что превращают религию в дело внешнего принуждения, отождествляя подданство известному государству с принадлежностью к известному вероисповеданию, принятому и исключительно утверждаемому этим государством. При всем различии католичества и протестантства по существу, когда он усвоили себе характер государственной церкви, они действовали совершенно одинаковым образом: как поступали испанские короли с евреями и мусульманами, или они же и французские – с протестантами, точно так же английские короли поступали с католиками. Возмутительная для совести и разума нелепость, более всех других причин подорвавшая авторитет религии в глазах «малых сих»: то самое что в одной стране объявлялось во имя Божьей воли безусловным долгом всякого человека – то же самое в соседней стране во имя той же воли Божией признавалось худшим из представлений и каралось чудовищными казнями.

Эти безобразные злоупотребления идеей государственной церкви, или что то же в сущности – христианского государства, побуждают большинство мыслящих людей вовсе от нее отказаться, как от пережитого, недоброей памяти, суеверия. Но кроме этих извращенных, ложных взглядов, которые мы указали, есть у государственной церкви и у христианского государства иной, истинный смысл. Понять, принять и осуществить егоказалось будто бы издавна высшим предназначением России. К несчастию доныне этот правый смысл загражден в нашем общественном сознании различными историческими осложнениями, запутан невольными заблуждениями и намеренными софизмами.

Попробуем в следующем письме освободить и распутать его.

Владимир Соловьев

Вопреки утверждению составителя первого собрания сочинений Г.А. Рачинского, XXII «Воскресное письмо» от 2(14) августа 1898 года под названием «Духовное состояние русского народа» было отнюдь не последним. Известно, что философ написал вторую часть этого письма, но оно было отвергнуто цензурой. Тем не менее сразу после смерти философа, в августе 1900 года, это письмо было опубликовано в журнале «Вестник всемирной истории»¹⁹. Мы его также воспроизведем здесь полностью:

¹⁹ Запоздалое «Воскресное письмо» В.С. Соловьева. Сообщ. М.В. Головинского (ХII. Из архива литературного и исторического) // Вестник всемирной истории. Ежемесячный журнал исторической литературы и искусства. 1900, Август. № 9. II паг. С. 203–208 [21].

Духовное состояние русского народа*

В отделе *Утверждение веры и благочестия*, в главе *Положение православия в холмско-варшавской епархии* всеподданнейший отчет сообщает, что между преданными православию прихожанами не мало таких, которые не ставят большой разницы между «костелом» и церковью и, почитая православные праздники, в то же время празднуют и католические, оправдываясь тем, что «греха никакого мне не будет, если я вместе с православными обычаями соблюдаю и другие христианские». Находя это грустным, отчет продолжает: «Но особенно грустное явление в церковно-революционной жизни холмско-варшавской епархии, сопровождающееся крайним вредом для положения православия в этом крае, – это упорное отчуждение от православной церкви весьма значительной части бывших греко-униатов и стремление ее к переходу в католицизм. По имеющимся в местном епархиальном управлении статистическим сведениям, число упорствующих в 1895 году простипалось до 73, 175 душ. Вся эта масса коснеющих в униатских и католических заблуждениях или остается вне всякого попечения церкви, не исполняя никаких таинств и духовных треб, или тайно совершает таковые в заграничных и местных костелах. Все упорствующие из года в год живут надеждою, что рано или поздно им будет дозволено перейти в католицизм» (стр. 154). Далее, в отчете православные, католики и упорствующие ставятся в один ряд, как бы три особые религии, при чем говорится о *нерасположении* упорствующих к православию и об уклонении некоторых из них от всякого общения с православными. Ясно, таким образом, что дело идет о людях, не принадлежащих и не желающих принадлежать к православию; но административным актом 1875 г. эти люди объявлены воссоединенными к православию и, как подтверждено недавно изданными синодскими правилами, все они в силу этого акта должны считаться *православными*.

Существуют два противоположные понятия о вероисповедании. По одному, согласному с прямым значением слова, вероисповедание определяется *верою* того человека, который к нему принадлежит, следовательно, некоторым внутренним душевным его расположением. Если эта вера наследственная – «вера отцов», то все-таки необходимо ее усвоение и утверждение личным сознанием, сам человек, его собственный образ мыслей и чувств должен участвовать в том неприкословенном духовном наследии, которое дано ему вместе с другими, как вера отцов. По другому понятию, еще господствующему в некоторых странах, всякая религия, всякое вероисповедание есть прежде всего и главным образом внешний факт гражданского и государственного порядка, которым, хотя и не исключается личная вера, однако и не требуется непременно; вера не считается здесь существенным и необходимым основанием и определяющим началом вероисповедания. С этой точки зрения вероисповедание не есть исповедание того, во что кто верит, а есть внешнее общественное состояние, в роде сословия, звания, класса. Принадлежать к такому-то вероисповеданию значит быть причисленным к такой-то общественной группе по воле государства, от которого всецело зависит: или причислить человека к той религиозной группе, к которой он действительно принадлежит по своей собственной вере, или, – если такая группа не признана государством – причислить ее верующих к вредным членам общества с ограничением их

* См. начало XXII «Воскр. Письма» «Русь» 1898. (Прим. журн.)

прав, или, наконец, переводить человека безотносительно к его собственной вере из одной признанной государством религиозной группы в другую, по тем или другим государственным соображениям и на тех или других внешних основаниях, подлежащих административному расследованию. Отсюда происходит то, что люди не только не верящие в православие, как истинную религию, но и показывающие к тому крайнее нерасположение, могут, тем не менее, обязательно «попочтаться» православными со всеми последствиями такого положения. Этим-же объясняется непонятное на первый взгляд явление вредной секты «упорствующих», – упорствующих в своем исповедании католичества, то есть религии, пользующейся не только признанием, но в известном смысле покровительством государства. Но одно дело для государства признавать католическую религию и другое дело признавать за человеком право по собственной вере и совести принадлежать к той или иной из религий, хотя бы терпимых и покровительствуемых государством. Безусловного признания такого права за человеком не существует там, где государство оставляет *за собою* право причислять тех или других людей к той или другой религии, независимо от внутреннего их расположения. Как можно было, не спрашивая согласия человека, отдавать или «сдавать» его в солдаты, так точно без его воли и вопреки ей можно «сдавать его в православные». С внешней государственной точки зрения, огромная разница между этими двумя положениями вовсе нечувствительна. И как для непокорного солдата существует дисциплинарный батальон, отнимающий у него известные служебные права, так для верующего, сопротивляющегося своему зачислению в «православные», полагается разряд «упорствующих», лишающий его религиозных прав на таинства и духовные трябы. Как нерасположение человека к военной службе не освобождает его от обязанности быть солдатом по требованию государства, так даже «крайнее нерасположение» к православию не освобождает человека от необходимости «попочтаться православным» в силу административного акта.

В «униатском деле» столкнулись не две какие-нибудь религии, а два понимания религии вообще: с одной стороны – как основанной на внутренних актах веры самого человека, а с другой – как определяемой внешними интересами и актами государственного управления, имеющими здесь силу помимо участия и согласия самих верующих. Мы имеем тут лишь более ясный и простой случай того самого отношения, которое выразилось и в нашем средне-русском расколе старообрядчества: ведь и его зло, с точки зрения государственной, заключается окончательно не в тех или других верованиях и мнениях, а лишь в упорном отстаивании своего права исповедовать свою собственную, а не предписанную извне религию. Значит «упорствующие» представляют явление всероссийское, а не западно-русское только.

* * *

В епархиальной статистике число упорствующих униатов превышает 73 000, но в действительности их, конечно, больше, так как в эту статистику могли попасть лишь те, которые выразили свое «крайнее упорство» в каких-нибудь открытых действиях. На стр. 207 отчета мы находим статистические данные об упорствующих старообрядцах в 27 епархиях с наибольшим числом раскольников: в этих только епархиях сумма их составляет миллион двести семьдесят четыре тысячи слишком. Вероятно, случайно пропущена московская епархия, где в одной

Москве поповцев австрийского сословия, по имеющимся у меня сведениям из компетентного источника, более двадцати пяти тысяч, а в губернии есть обширный и густонаселенный район, – так наз. Гуслицы, – наполненный раскольниками. Пропущен также и Петербург с окрестностями, где число их довольно значительно. И для перечисленных в отчете 27 епархий действительная цифра «упорствующих» старообрядцев, конечно, выше официальной. Если принять это в соображение, и затем присоединить число раскольников московских, петербургских и еще из 35 непоименованных в отчете епархий, а также минимальное предположительное число независимых от старообрядчества последователей рационалистического и мистических толков – штунды, молокан, хлыстовщины и т.д., то без ошибки можно положить в три миллиона общее число всех русских людей, заблуждающихся во многих других отношениях, но упорно отстаивающих ту основную и непреложную истину, что человек сам должен знать, во что он верит или к какому вероисповеданию принадлежит, что это есть только дело его совести и больше ничье.

Глубочайшая, коренная аномалия нашей действительности состоит в том, что сознание этой истины, – без которой нет жизни духовной для человека, как и для народа, – не усвоено еще Россией, как государственным целым, и что исповедание своей веры словом и делом, нравственно-обязательное для всякого человека, является у нас опасным и даже известным «упорством».

В этом наша главная беда и тайная причина прочих бед; потому что пришло время для нашего духовного делания, а мы связаны борьбою с упорствующими вместо того, чтобы пользоваться их духовной энергией для общего дела. Всякий исторический день имеет свою заботу, свою главную неотложную задачу. Вчерашний день нашей истории должно было это более явное и простое дело. Но раз оно совершилось, тем самым пришла пора для другого, более глубокого и важного освобождения России от ее духовного, религиозного закрепощения и в этом задача нынешнего исторического дня для нас. Как и когда она будет исполнена, мы не знаем, но мы знаем и знаем *верно*, что без ее исполнения Россия не может быть здорова ни телом, ни духом. Чувство нравственной необходимости, чувство исполненного долга стоит между нами и нашей всемирно-историческою будущностью, – то есть тем высшим призванием духовного собирания всей земли, которое стало бы нашей будущностью, если бы только совесть наша была чиста перед Богом. А теперь как может действовать народный дух, связанный междуусобной злобой и обидой? Не обидою гражданско-экономическую, которую можно забыть во имя патриотизма, как забывалась она в 1812 году, – можно ее забыть, потому что она касается того, что *принадлежит* человеку, а не того, что *есть он сам*, – не души, не веры и не совести. Верою и совестью пожертвовать ради чего-бы то ни было – значит потерять свое человеческое достоинство. Обида религиозная не может и не должна быть забыта – она должна быть прекращена, направлена, заглажена. Требует этого наша совесть и давно уже наступивший – после освобождения крестьян – нынешний исторический день. Вот уже более тридцати лет мы не делаем шага, чтобы исполнить главное, необходимое внутреннее условие нашего исторического призыва, – и вот почему и внешнее нам не дается, вот почему мы не могли войти в открытый перед нами Царьград, вот почему силы земли иссякают, и отовсюду беда и угроза. И еще слава Богу, что так. Совсем погиб и оставлен Богом тот

народ, которому уснувшая совесть не мешает благоденствовать и ликовать при неисполненной правде. Больна Россия и духом, и телом, но пока в одних ее сынах страдания не истребили упорствующей веры, а в других есть любовь к страдающим, есть и надежда, что грех и болезнь народа не к смерти, а к славе Божией.

Как и в предшествующем ХХII письме, философ обсуждает в своем тексте опубликованный в 1898 году «Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 годы» (СПб.: Синодальная типография, 1898), в котором, в частности, содержался приводимый в ХХIII письме рассказ о положении дел с греко-униатским населением Польши и Восточной Украины, отказывающимся причислять себя к православному вероисповеданию.

Вернемся к публикации в «Вестнике Всемирной истории». Она сопровождалась коротким предуведомлением публикатора – редактора журнала М.В. Головинского:

Печатаемое ниже письмо столь преждевременно умершего В.С. Соловьева было передано в редакцию газеты «Русь» в 1898 году, но не могло быть помещено своевременно в этой, вскоре прекращенной (в декабре того же года) по распоряжению цензуры, газете. Утратив свою злободневность, это письмо несомненно сохранило интерес по глубине высказанных в нем взглядов. Пользуясь разрешением по-койного «когда-нибудь» напечатать это письмо, мы помещаем здесь целиком его драгоценные строки, думая, что извлечением из-под спуда слов одного из представителей гималаев человеческой мысли, с которым, может быть, и можно было иногда не соглашаться, но которого нельзя было не уважать, мы оказываем посильную с нашей стороны «поминку» великому угасшему светильнику духа.

Имя М.В. Головинского как публикатора ХХIII соловьевского «Воскресного письма», возможно, явились причиной того, что этот документ, который, скорее всего, был известен составителям первого собрания сочинений философа, не был включен в его состав. Матвей Васильевич Головинский, несомненно, одна из самых скандальных, равно как и самых загадочных фигур русской публицистики XIX–XX веков. В рамках нашей задачи нет возможности осветить всю историю жизни этого более чем странного человека, ставшего героем таких авантюрных романов, как «Бестселлер» Ю.П. Давыдова и «Пражское кладбище» У. Эко. Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть остро дебатируемую «полицейскую» версию происхождения «Протоколов Сионских мудрецов», согласно которой этот документ был написан по заказу лидера Заграничной агентуры Департамента полиции МВД П.И. Рачковского, его агентом М.В. Головинским, причем как раз чуть ли не в тот самый 1900 год, когда он извлек из своего архива «Воскресное письмо» Вл. Соловьева. Для нашей темы достаточно знать, что М.В. Головинский действительно являлся (или, точнее, числился) редактором «Руси» в 1897–1898 годах и что он, как считали многие современники, в

частности В.Г. Короленко, был поставлен на эту должность почему-то доверявшим ему цензором М.П. Соловьевым. После закрытия газеты он какое-то время редактировал петербургскую газету «Северный курьер», но в 1900 году стал активно сотрудничать – и в качестве редактора, и в качестве постоянного автора – в «Вестнике всемирной истории», который под его неформальным руководством стал одним из типичных легально марксистских изданий того времени. Затем у М.В. Головинского, который, помимо журналистских дел, был еще и присяжным поверенным, равно как и медиком и много кем еще, возникла некая скандальная история со взятием чужих денег (от вдовы купца А.Н. Петухова), и он публично в феврале 1902 года – через газету «Новое время» – сообщил о своем уходе из журнала и отъезде из Санкт-Петербурга. Журнал под руководством издателя С.С. Сухонина выходил еще несколько лет, в том числе под названием «Всемирный вестник», но история с публикацией «забытого» «Воскресного письма» Вл. Соловьева никогда более не поднималась на его страницах²⁰.

Какой бы сомнительной ни была репутация М.В. Головинского, в аутентичности опубликованного им документа нет никаких оснований сомневаться. Все последующие публикации «Воскресных писем» должны в обязательном порядке включать в себя XXIII письмо, увидевшее свет в «Вестнике всемирной истории». Аутентичность этого документа подтверждается существованием XXIV письма (вероятно, автор сознательно давал понять, что одно письмо не смогло найти места на страницах газеты по не зависящим от автора причинам), которое, в отличие от письма XXIII, было опубликовано на страницах «Руси»: оно появилось в газете 4(16) октября 1898 года за подписью «Владимир Соловьев» в № 99 за 1898 год²¹. Приведем это письмо полностью:

Воскресные письма

XXIV

О комарах и верблюдах. (Разговор с дамой)

- Ну, что-то вы скажете от ковенском деле?
- Почему вы о нем вспомнили?
- Как вспомнила?
- Да, ведь, вы говорите об известном деле в Ковенской губернии, в местечке Крожах, где в 1893 году закрывали католическую церковь, причем произошло кровопролитие.
- Ах, совсем нет! Я говорю о *теперешнем* ковенском деле, о котором все говорят.
- Что за дело?

²⁰ О странных перипетиях биографии М.В. Головинского см.: Лепехин М.П. Необходимые уточнения к биографии М.В. Головинского // Из глубины времен. Альманах. 1998. № 10. С. 302–303 [22].

²¹ См.: Соловьев Вл. Воскресные письма. XXIV. О комарах и верблюдах (Разговор с дамой) // Русь. 1898, 4 (16) октября. № 99. С. 3 [23].

- Ну зачем же вы притворяетесь?
- Да, право, нет. Ведь я эту неделю провел в деревне, а в газете как-то пропустил. В чем же дело?
- Да как-же, ксендз, который ужасно бил и запугивал двух женщин, чтобы они прогнали русских.
- И что-ж, он все бьет и запугивает?
- Ну что за вздор! Конечно, арестован.
- А! Так прочтем в свое время в судебной хронике.
- Как, у вас нет никакого негодования?
- Нет, знаете, когда начинаешь стареть, то становишься экономным. Когда мне рассказывают про какого-нибудь злодея и при этом прибавляют: ну, теперь насиится в остроге! – я не трачу понапрасну своего негодования и прибегаю его на тот случай, когда никого не сажают в острог или сажают невиновных и пострадавших.
- Ну это другой вопрос. Но как же вы не интересуетесь этим делом? Ведь это ужасно, какой фанатизм, какая жестокость!
- Совсем не интересуюсь.
- Да почему, на каком основании?
- На самом твердом, какое только может быть.
- Ну, говорите.
- Матфея VII, 3-5 и XXIII, 24
- Да говорите толком.
- «Что же ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а в своем глазу бревна не замечаешь? Или, как скажешь брату твоему: постой, выну сучек из глаза твоего, – а вот бревно в твоем глазу? Лицемер, выброси сперва бревно из глаза твоего, и тогда рассмотришь, как вынуть сучок из глаза брата твоего». А затем: «вожаки слепые, отцепывающие комара, верблюда же поглощающие!».
- Как? вы думаете, что это относится к делу? Нет, вы пристрастны.
- Я был бы неправ, если бы говорил, что нужно пить вино и чай с комарами. Но, ведь, против таких комаров, как ковенский ксендз, существуют хорошие сетки, которые я вполне уважаю: полиция и юстиция. А я хотел только сказать, что нечего думать о комарах, когда в горле застрял верблюд, и нехорошо беспокоиться о чужом сучке, когда у себя в глазу бревно. Кажется, это и есть прямой и ясный смысл слова Божия.
- Да, но только он сюда не идет. Какие же у нас верблюды? Бревен, положим, слишком много, но только не такие. Где у нас что-нибудь подобное?
- М-м-м-у-у-у!
- Почему вы мычите?
- По необходимости.
- Что еще такое?
- Сие мычание знаменует, что членораздельные звуки не всегда доступны.
- Это увертка.
- Нет, это факт, и я думаю, что невозможность членораздельной речи о наших верблюдах, – она то и есть самый главный верблюд.
- Так вы ничего и не скажете о ковенском деле?

- Нет. Пускай о нем поговорят прокурор с адвокатом. А, впрочем, могу прибавить старый афоризм: лежачего не бьют.
- Вот это кстати: ведь ксендз был женщин, лежащих крестом!
- Ну, чтобы не было двусмыслинности, вот вам новый афоризм: довлеет острог сидящему в нем.

Владимир Соловьев

Один из эпизодов, о которых идет речь в этом диалоге, – знаменитая «Крожская резня» – произошел 10(22) ноября 1893 года в литовском городе Крожи. Ковенский (или же каунасский) губернатор Н.М. Клингенберг прибыл в город, чтобы закрыть католический монастырь ордена бенедиктинок. Местные жители, в том числе женщины, попытались организовать сопротивление. В ходе стычки с казаками было убито 9 человек и затем арестовано около 100. С наступлением нового царствования заключенные по этому делу были отпущены на свободу. Вл. Соловьев в 1895 году в письме к В.Л. Величко уже упоминал данный случай в ряду других прегрешений официальной церкви и действующего в ее интересах государства: «Далее: пока Ваша принадлежность к греко-российской синагоге есть только внешний факт, прошедший не по Вашей воле, Вы ни за что не отвечаете; но когда Вы, по собственной воле, сознательно, намеренно и без всякого принуждения присоединяете к названному учреждению малолетнее и потому безответственное существо, то Вы торжественно заявляете свою солидарность с этим учреждением, и все его грехи переходят на Вас: тогда уже Вы лично виноваты и в сожжении протопопа Аввакума, *и в избиении крожских крестьян*, и в запрещении молитвенных собраний штундистов, и в тысячах других фактов того же вкуса» (курсив наш. – Б.М.) [14, с. 223–224].

Другой случай, упомянутый в XXIV письме, – дело ксендза Казимира Беляковича, привлеченного к ответственности за телесные наказания прихожанок, позволивших себе вступить в связь с русскими. Ксендз был осужден в 1899 году на судебном процессе в Петербурге, но вскоре помилован и отправлен священником в Тирансполь. Его дело подробно разбиралось в правой прессе как пример католического религиозного фанатизма, практикующегося в Литве²².

В данном фрагменте мы видим первый образец в творчестве Вл. Соловьева того жанра, который был немного позднее опробован в «Трех разговорах», – шутливая беседа протагониста автора, носителя правильной христианской позиции, со светской дамой, чье мнение и набор эмоций заданы популярными газетами и отражают настроения ее круга. Автор своим скепсисом дает понять, что эти настроения лишены смысла и являются не более чем предрассудками. Эмоциональное возмущение следовало бы направить на что-то более значимое, и

²² См.: Скворцов В.М. Судебный процесс Ковенского ксендза Беляковича и католическая церковная дисциплина. Церковно-государственное и миссионерское значение судебного процесса Ковенского ксендза Беляковича. СПб.: Изд. журн. «Миссионер. Обозрение», 1900. (Народно-миссионерская библиотечка) [25].

этим более значимым событием для философа является насилие в отношении представителей неудобной для государства и господствующей церкви конфессии. Философ также намекает (не столько не слишком умной «даме», сколько «проницательному читателю» «Руси») на то, что он лишен возможности открыто говорить со страниц газеты о тех проблемах, которые его реально беспокоят, и именно это является причиной прекращения публикации цикла «Воскресных писем». Как мы уже говорили, этот отказ от дальнейшего выпуска писем не помешал Вл. Соловьеву продолжить сотрудничество с другими изданиями В.П. Гайдебурова, в частности, с «Книжками Недели», где в 1899–1900 годах публиковался диалог «Под пальмами».

Список литературы

1. Соловьев Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями. СПб.: Типография СПб. т-ва «Труд», 1900. 279 с.
2. Соловьев Вл. Предисловие к «Трем разговорам» // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. Х. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 83–92.
3. Степанов А.Н. «Три разговора» Вл. Соловьева: вопросы публикации, жанрового своеобразия и композиционной целостности // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьева: материалы Междунар. конф. 14–15 февраля 2003 г. Сер. Symposium. Вып. 32 // СПб.: Санкт-Петербург. филос. общество, 2003. С. 378–383.
4. Соловьев Вл. Немезида // Русь. 1898. № 8. С. 1–2; № 15. С. 2; № 22. С. 2.
5. Соловьев Вл. Воскресные письма // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. Х. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 3–80.
6. Соловьев Вл. Россия через сто лет // Русь. 1898, 29 июля (7 августа). № 29. С. 2.
7. Соловьев Вл. О соблазнах // Русь. 1897, 9 (21) марта. № 50. С. 2.
8. Соловьев Вл. Словесность или истина? // Русь. 1897, 30 марта (11 апреля). № 70. С. 2.
9. Соловьев В.С. Духовное состояние русского народа // Русь. 1898, 2 (14) августа. № 53. С. 3.
10. Меньшиков М. Отклики LXIII // Неделя. 1900. № 17. Ст. 605.
11. Санькова С.М. Два лица «Нового времени»: А.С. Суворин и М.О. Меньшиков в зеркале историографии. Орел: ФГОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», 2011. 224 с.
12. О.Т.В. <В.А. Гольцев. > Ответ г. Меньшикову // Русская мысль. 1895. Кн. VIII. С. 157–159.
13. М.О.М. <Меньшиков М.О.> Письма к друзьям // Русь. 1898, 19 (31) августа. № 53. С. 3.
14. Соловьев В.С. Письма Н.Я. Гроту // Соловьев В.С. Письма: в 4 т. Т. I. СПб.: «Общественная польза», 1908. С. 61–102.
15. Меньшиков М.О. Думы о счастье. СПб.: тип. М. Меркушева, 1898. 176 с.
16. Оболенский Л.Е. Мои личные воспоминания о В.С. Соловьеве. Цит. по: Колеров М.А. Новое свидетельство современника о Владимире Соловьеве // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2019. Вып. 15. М.: Модест Колеров, 2019. С. 15–23.
17. Меньшиков М.О. Вл.С. Соловьев // Меньшиков М.О. Критические очерки. Т. II. СПб.: тип. Т-ва печатн. и издат. дела «Труд», 1906. С. 489–498
18. Толстой Л.Н. Письмо к И.М. Трегубову 3 августа 1900 г. <прим. сост.> // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 72. Письма. 1899–1900 гг. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1933. С. 436–437.
19. Меньшиков М. Отклики. XXXV // Неделя. 1900, 6 (18) февраля. № 6. Ст. 218–219.
20. Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков. М.: Русский путь, 2005. 475 с.
21. Запоздалое «Воскресное письмо» В.С. Соловьева. Сообщ. М.В. Головинского

(XII. Из архива литературного и исторического) // Вестник всемирной истории. Ежемесячный журнал исторической литературы и искусства. 1900, август. № 9. II паг. С. 203–208.

22. Лепехин М.П. Необходимые уточнения к биографии М.В. Головинского // Из глубины времен. Альманах. 1998. № 10. С. 281–318.

23. Соловьев Вл. Воскресные письма. XXIV. О комарах и верблюдах (Разговор с дамой) // Русь. 1898, 4 (16) октября. № 99. С. 3.

24. Соловьев В.С. Письма В.Л. Величко // Соловьев В.С. Письма: в 4 т. Т. I. СПб.: Общественная польза, 1908. С. 194–235.

25. Скворцов В.М. Судебный процесс Ковенского ксендза Беляевича и католическая церковная дисциплина. Церковно-государственное и миссионерское значение судебного процесса Ковенского ксендза Беляевича. СПб.: Изд. журн. «Миссионер. Обозрение», 1900. (Народно-миссионерская библиотечка).

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, V.S. Pis'ma N.Ya. Grotu [Letters to N. Grot], in Solov'ev, V.S. *Pis'ma v 4 t., t. 1* [Letters of Vladimir Sergeevich Solovyov in 4 vols., vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarkhchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1908, pp. 61–102.

2. Solov'ev, V.S. Pis'ma V.L. Velichko [Letters to V. Velichko], in Solov'ev, V.S. *Pis'ma v 4 t., t. 1* [Letters of Vladimir Sergeevich Solovyov in 4 vols., vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarkhchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1908, pp. 194–235.

3. Solov'ev, V.S. Predislovie k «Trem razgovorom» [Preface to Three conversations], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 12 t., t. 10* [The complete works in 12 vols., vol. 10]. Bryussel': Zhizn's Bogom, 1966, pp. 83–92.

4. Solov'ev, V.S. Voskresnye pis'ma [Sunday letters], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 12 t., t. 10* [The complete works in 12 vols., vol. 10]. Bryussel': Zhizn's Bogom, 1966, pp. 3–80.

5. Tolstoy, L.N. Pismo k I.M. Tregubovu, 03.08.1900 g. [The letter to I.M. Tregubov, 03.08.1900], in Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 72. Pis'ma. 1899–1900 gg* [The complete works. Vol. 72. Letters. 1899–1900]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1933. 630 p.

Individual works

6. Anton Chekhov i ego kritik Mikhail Men'shikov [Anton Chekhov and His Critic Mikhail Men'shikov]. Moscow: Russkiy put', 2005. 475 p.

7. Men'shikov, M.O. *Dumy o schast'e* [Thoughts on Happiness]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva, 1898. 176 p.

8. Men'shikov, M. Otkliki LXIII [Responses LXIII], in *Nedelya*, 1900, no. 17, col. 605.

9. Men'shikov, M. Otkliki XXXV [Responses XXXV], in *Nedelya*, 1900, no. 6, col. 218–219.

10. M.O.M. <Men'shikov, M.> Pis'ma k drug'yam [Letters to Friends], in *Rus'*, 1898, August 19/31, no. 53, p. 3.

11. Men'shikov, M.O. VI.S. Solov'ev [VI.S. Solovyov], in Menshikov, M.O. *Kriticheskie ocherki. T. II* [Critical Essays. Vol. II]. Saint-Petersburg: Trud, 1906, pp. 489–498.

12. O.T.V. <Gol'tsev, V.A.> Otvet g. Men'shikovu [The Reply to Menshikov], in *Russkaya mysl'*, 1895, book VIII, pp. 157–159.

13. Obolenskiy, L.E. Moi lichnye vospominaniya o V.S. Solov'eve. Tsit. po: Kolerov, M.A. Novoe svидетельство современника о Владимире Соловьеве [My personal memories of V.S. Solovyov. Quote by: Kolerov M.A. New Testimony of a Contemporary about Vladimir Solovyov], in *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik*, 2019, pp. 1–23.

14. Skvortsov, V.M. *Sudebnyy protsess Kovenskogo ksendza Belyakevicha i katolicheskaya tserkovnaya distsiplina. Tserkovno-gosudarstvennoe i missionerskoe znachenie sudebnogo protsessa Kovenskogo ksendza Belyakevicha* [The trial of the Coven Priest Belyakevich and Catholic Church discipline. The church-state and missionary significance of the trial of the Kovensky priest Belyakevich]. Saint-Petersburg: Izdanie zhurnala «Missioner. Obozrenie», 1900. (National Missionary Library). 56 p.
15. Solov'ev, V.S. *Tri razgovora o voynе, progresse i kontse vsemirnoy istorii, so vkl'yucheniem kratkoy povesti ob Antikhriste i s prilozheniyami* [Three conversations on war, progress, and the end of world history, including a short story about the Antichrist and appendices]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Trud», 1900. 279 p.
16. Solov'ev, Vl. Nemesis [Nemesis], in *Rus'*, 1898, no. 8, pp. 1–2; no. 15, p. 2; no. 22, p. 2.
17. Solov'ev, Vl. O soblaznakh [On Temptations], in *Rus'*, 1897, March 9/21, no. 50, p. 2.
18. Solov'ev, Vl. Rossiya cherez sto let [Russia in a Hundred Years], in *Rus'*, 1898, July 29, no. 29, p. 2.
19. Solov'ev, Vl. Slovesnost' ili istina? [Literature or Truth?], in *Rus'*, 1897, March 30/ April 11, no. 70, p. 2.
20. Solov'ev, Vl. Dukhovnoe sostoyanie russkogo naroda [Spiritual state of Russia people], in *Rus'*, 1898, August 2/14, no. 53, p. 3.
21. Solov'ev, Vl. Voskresnye pis'ma. XXIV. O komarakh i verblyudakh (Razgovor s damoy) [Sunday Letters. XXIV. On Mosquitoes and Camels (Conversation with a Lady)], in *Rus'*, 1898, October 4/16, no. 99, p. 3.
22. Zapozdaloe «Voskresnoe pis'mo» V.S. Solovieva [V.S. Solovyov's Late “Sunday Letter”], in *Vestnik vsemirnoy istorii*, August 1900, no. 9, pp. 203–208.

(Articles from Scientific Journals)

23. Lepekhin, M.P. Neobkhodimye utochneniya k biografii M.V. Golovinskogo [Necessary Clarifications to the Biography of M.V. Golovinsky], in *Iz glubiny vremen. Al'manakh*, 1998, no. 10, pp. 281–318.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

24. San'kova, S.M. *Dva litsa «Novogo vremeni»: A.S. Suvorin i M.O. Men'shikov v zerkale istoriografii* [Two Faces of the New Era: A.S. Suvorin and M.O. Menshikov in the Mirror of Historiography]. Orel: State University – UNPK, 2011. 224 p.
25. Stepanov, A.N. «Tri razgovora» Vl. Solov'eva: voprosy publikatsii, zhanrovogo svoeobraziya i kompozitsionnoy tselostnosti [“Three Conversations” by V.S. Solovyov: Issues of Publication, Genre Originality, and Compositional Integrity], in *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Minuvshee i neprekhodyashchee v zhizni i tvorchestve V.S. Solov'eva». Vyp. 32, Sankt-Peterburg, 14–15 fevralya, 2003* [Proceedings of the International Conference “The Past and the Enduring in the Life and Work of V.S. Solovyov”. Issue 32, Saint-Petersburg, February 14–15, 2003]. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2003, pp. 378–383.